

Н. С. САРАФАНОВА

Письмо неизвестного лица из заточения (1685 г.)

В рукописи ГПБ О.ХVII.37 на лл. 35—36 находится сочинение неизвестного старообрядца («имя рек») — письмо (без начала) к «отцам и братии», очевидно монастырской. Незаурядное литературное дарование автора обращает на себя внимание. Письмо представляет интерес и как материал для изучения эпистолярного стиля конца XVII в., и как памятник старообрядческой литературы, свидетельствующий о ее тесных связях с народной разговорной речью.

Рукопись, в которой находится письмо, — сборник в 8-ку на 175 лл., писанный скорописью разных почерков. Филигрani: герб Амстердама (напоминает № 3547 в альбоме Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков», датируемый 1689 г.) и шут (полностью соответствует № 469 в альбоме Н. П. Лихачева «Бумага и древнейшие бумажные мельницы»... , датируется 1676 г.). Филигрani и характер скорописи указывают на конец XVII в. В сборнике находятся многие письма протопопа Аввакума (опубликованные А. К. Бороздиным), единственное известное письмо Епифания, выписки из сочинений Нила Сорского, несколько старообрядческих произведений, начало повести о Ерше, Путешествие купца Василия Гагары и др.

О личности автора письма, который сидит в тюрьме и готов «в вере православной скончаться за Христа», известно очень мало: он монах («А Николы-святителя... икона — мое обещание») и был захвачен воеводой, очевидно, на пути из монастыря.

Письмо совершенно не содержит риторики. Это подробный и неторопливый рассказ автора о своих бедах и невзгодах: воевода бил его, бросил в тюрьму, а товарища его Исаию Титова — «в застенок да кнутом на стряске». Отписки, посланные о них в Москву, остались без ответа, «а тамо на Москве отписку бросили под стол, — предполагает автор, — и другую отписку и потом ничево».

Центральный эпизод письма — встреча с устюжским архиепископом Александром, который в это время «плыл с Москвы». Спор между Александром Устюжским и старообрядцем развивается не в плане отвлеченной богословской полемики, столь частой в старообрядческих сочинениях, а как живой диалог. Для доказательства истинности и исконности «старой веры» автор умело использует реплику архиепископа, косвенно подтверждающую произвольность новых обрядов: «... а крест перемени по-нашему, как власти изволили ныне». Так как автор остался верен своим убеждениям, его «опять в темницу сослали», где он и сидит «доныне», «по вся дни... смерти» ожидая «себе».

Кончается письмо обычной для писем того времени формулой: «Посем простите мя, грешнаго... елико согрешил словом, и делом, и помышлением, и всеми моими чувствы».